

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 633. 3 27

В. Н. Асочакова

ЭВОЛЮЦИЯ СОСЛОВНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ (XVIII в. – НАЧАЛО 60-х гг. XIX в.)¹

Дается характеристика сословно-классовой структуры населения Хакасско-Минусинского края в условиях его освоения Российским государством и политики христианизации коренного этноса. Основным источником изучения явились документы церковного демографического учета населения. Проблема рассматривается на примере церковно-приходских общин.

Ключевые слова: христианизация, сословия, хакасы, новокрещенные, русская православная церковь, церковно-приходские общины.

Российское общество на протяжении XVIII–XIX вв. было этакратическим, так как его главным стратифицирующим критерием выступали обязанности, тягло по отношению к государству [1, с. 160–161]. В Хакасско-Минусинском крае, как и в Сибири в целом, структура общества калькировалась с российского общественного устройства и состояла из податных и неподатных сословий.

Формой сосуществования различных социальных и этнических групп населения являлись церковно-приходские общины, они, по сути, являлись контактными зонами межкультурного, межэтнического взаимодействия. В течение XVIII – начале 60-х гг. XIX в. в Хакасско-Минусинском крае образовалось 40 церковно-приходских общин.

Исповедные росписи – вид церковного демографического учета, в отличие от фискальных источников, фиксировали все группы населения приходов, включая неподатные категории и женщин. Их анализ в сочетании с клировыми ведомостями, в которых указаны православные прихожане, неправославные жители приходов, а также некрещенные ясачные, дает возможность реконструировать сословно-классовую структуру населения края, проследить ее эволюцию, выявить роль различных категорий в христианизации коренного населения края – хакасов.

Выраженными чертами этнодемографического развития Хакасско-Минусинского края с 1760 г. были численное преобладание русского населения в результате активной правительственной и вольной колонизации и сохранение, в отличие от прочих районов Енисейской губернии, значительного числа автохтонов. В целом здесь этнодемографическая ситуация оставалась стабильной в течение

первой половины XIX в. Тенденции, характерные для Сибири в целом: резкий рост населения, сокращение темпов роста и доли коренного населения в структуре общей численности, имели место, но носили менее выраженный характер.

Неподатные категории населения в Хакасско-Минусинском крае были представлены духовенством и казачеством. Эти группы использовались царским правительством для выполнения полицейских, политико-административных и хозяйственно-организаторских функций. Казачество по служебным функциям относилось к иррегулярным войскам; потеряв ведущую роль в городах, оно вошло в состав низовых звеньев полицейско-фискального аппарата и являлось самой дешевой военно-полицейской силой. В начале освоения Хакасско-Минусинского края, в 20-х гг. XVIII в., казачество составляло 75 % населения и входило в льготный отряд пограничных казаков. Условия службы на формирующейся границе были сравнительно легки и способствовали широкой хозяйственной деятельности. П. С. Паллас, проезжая по приграничной полосе Сибири, отмечал их высокую зажиточность [2, с. 61–65]. В этом отношении они действительно являлись «вооруженными крестьянами с наделом». В XIX в. численность казачества определялась штатным расписанием, его доля в составе населения в течение полувека увеличилась с 4.4 до 6.6 % [3–23]. Резкое увеличение числа казаков во всей Енисейской губернии (примерно в 6.6 раза) произошло во второй четверти XIX в. в связи с принятием «Устава о сибирских городовых казаках» в 1822 г. В результате реализации «Положения об Иркутском и Енисейском конных казачьих полках» (1851 г.) их численность за 10 лет возросла в 2.2 раза.

¹ Исследование осуществлено при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (госконтракт № 02.740.11.0585).

Указанные законодательные акты завершили формирование сословного статуса казаков, жалование и размеры земельных наделов. Неподатной статус казачества определялся тем, что они не несли государственные повинности, имели землю в корпоративной собственности, сохраняли право на занятие ремеслами, торговлей и промыслами. Казаки не имели права выбора места поселения, но сохраняли личное хозяйство, для чего вместо хлебного жалования могли отводить земельные наделы [24]. Служилые владели землей на условиях наследственного держания, но фактически совершались сделки по купле и продаже условной земли.

Городовые казаки по роду службы делились на полковых и станичных. Пограничные казаки Абаканской и Саянской станиц входили в состав Енисейского полка: две сотни находилось в Красноярске, три – в Енисейске, Туруханске, Минусинске, Ачинске и Канске. В 1851 г. Енисейский пятисотенный полк был преобразован в шестисотенный, для усиления в его состав было включено около 30 местных поселений с отставными солдатами и государственными крестьянами. Первые три сотни проживали в Красноярске, Канском и Красноярском округах, пятая и шестая – в Ачинском и Минусинском. В Хакасско-Минусинском крае енисейские казаки несли службу на Абаканском кордоне, Кебежском, Шадатском, Таштыпском, Абаканском караулах и в Абаканском остроге. Они охраняли населенные пункты, оставаясь вместе с тем труженниками на своих наделах.

Источником пополнения казачества оставался естественный прирост, поскольку правительство стремилось закрепить наследственный принцип передачи статуса и связанных с ним функций и занятий. Но в связи с тем, что для казачества было характерно численное преобладание мужского населения, приводившее к демографическим последствиям – низкой рождаемости, то имели место инсословные источники формирования. Состав служилого населения пополнялся за счет разночинцев, детей отставных солдат, местных крестьян и посадских, последние, оставаясь в тяглом состоянии, зачислялись на жалование и провиант. Незначительную роль в формировании казачества играло ясачное население.

Городовые казаки, в соответствии с уставом 1822 г. получившие по 15 десятин земли, принимали активное участие в хозяйственном освоении Хакасско-Минусинского края. Размеры земельных держаний были увеличены по «Положению» 1851 г. с 15 до 30 десятин. Тем не менее главным источником существования казаков оставалось государственное жалование, поскольку характер службы не позволял им в полной мере заниматься хозяйственной деятельностью.

Хозяйственно-организационные и попечительские задачи все больше уступали место полицейско-карательным, фискальным и политико-идеологическим функциям. Вместе с представителями духовного сословия для трудового населения они персонифицировали государственное начало, местную власть и проводили в жизнь их распоряжения. Имущественная и служилая верхушка сибиряков пыталась даже выступать носителями частно-помещичьих отношений: они кабели бедняков, почти каждый имел холопов и дворовых людей из числа бывшего пленного «ясыря», «вскормленников», «новокрещенов» и просто купленных [24].

Роль казаков в процессе христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края, в силу присущих им особенностей, была двойственной. С одной стороны, отношения хакасского и служилого населения изначально, исторически формировались как враждебные, конфронтационные. С другой стороны, в казачьей среде больше, чем в других социальных группах, было смешанных браков. Казаки, расселяясь в приграничных территориях, быстрее и чаще перенимали опыт сопредельных народов, сохраняя при этом русско-христианский исторический тип.

Духовенство Хакасско-Минусинского края было представлено только приходскими священно- и церковнослужителями, черного духовенства не было в связи с отсутствием монастырей. На протяжении XVIII в. в сословной политике по отношению к духовенству прослеживались два направления: государство стремилось ограничить доступ в духовное сословие выходцам из других слоев, особенно тяглых; церковь, наоборот, стремилась привлечь наиболее способных и образованных, так как до середины XVIII в. пыталась вернуть прежнее относительно независимое положение. Представители низшего слоя духовенства в Хакасско-Минусинском крае к концу XVIII в. приобрели общие черты и выделились в устойчивый внутрисословный разряд.

Ко времени образования Енисейской епархии (1861 г.) духовенство в общей сложности, включая женщин, детей и отставных священно- и церковнослужителей, насчитывало 561 человек, из них женщины составляли 50.8 % [3–23]. Несмотря на наличие достаточного внутрисословного резерва – детей было 49.5 %, тяжелые условия жизни, все возрастающие требования со стороны правительства и высших духовных властей, скудное содержание приводили к тому, что в причтах от 30 до 50 % мест оставались «праздными». В 1834 г. в Назаровской Троицкой церкви из 4 штатных мест 2 были вакантными, в Шарыповской из 4 – 1, в Подсосненской из 4 – 1, в Изынжульской из 3 – 1, в Ужурской из 3 – 2 [25–28].

В течение полутора столетий доля духовенства в составе населения изменилась незначительно: в начале XVIII – 0.6 %, в 1795 г. – 0.83 % и в 1861 г. – 0.7 % [3–23], и примерно в 1.5 раза меньше, чем в Европейской России. Проблема с кадрами духовенства в XIX в. еще более усугубилась по сравнению с последним двадцатилетием XVIII в., когда в причтах не хватало около 38.5 %. Результатом такой ситуации явились низкая квалификация приходского духовенства в Хакасско-Минусинском крае и, как следствие, неэффективность политики христианизации.

Податное население в Хакасско-Минусинском крае было представлено категориями городского населения, крестьянами, ссыльными, ясачными.

Мещане являлись частью сельского разряда купеческого и мещанского городских сословий. Общая тенденция в развитии этой категории населения проявлялась в снижении относительных показателей: 6 % в 1795 г. и 2.4 % в 1861 г. [3–23]. Подавляющее большинство сельских (посадских до 1775 г.) мещан, формально входя в общеуездную городскую (посадскую) общину, практически вели крестьянский образ жизни и основные средства существования получали от сельскохозяйственной деятельности [29, с. 141–149]. Изменения в динамике социальных процессов связаны с развитием промышленности, формированием окружных центров (Ачинска и Минусинска), проведением в 1824 г. гильдейской реформы. Главной особенностью развития городского населения в Енисейской губернии являлся тот факт, что часть горожан, как и в XVIII в., проживала в сельской местности (в этом плане типичным являлся Минусинск). В конце XVIII в. мещане жили во всех приходах, кроме Аскизского, Анашенского, Курагинского, Барайтского, Луказского. Их доля колебалась от 2.3 % (Шушенский) до 25.8 % (Назаровский) [3–23]. К 1861 г. произошла концентрация городского населения в окружном городе Минусинске, но по-прежнему отдельные семьи фактически жили в сельской местности. Поэтому в Енисейской губернии горожанам выделялись земельные наделы. Таким образом, местожительства, род занятий не совпадали с сословной принадлежностью городского населения. В 30–50-е гг. XIX в. отмечался рост численности минусинского купечества за счет иногородних купцов, мещан, крестьян. По-прежнему большая часть горожан проживала в сельской местности. До 1828 г. жители г. Минусинска числились в крестьянском звании Шушенской волости [31; 32, с. 158–183].

Практически крестьянами, в полном смысле этого слова, являлись так называемые разночинцы, состоящие из невошедших в штат, отставных казаков и членов их семей, а также семей рядовых ка-

заков и старшин и «неверстанных» казачьих детей. Их статус был официально приравнен к крестьянскому, не случайно уже по третьей ревизии (1762 г.) подавляющее большинство разночинцев показано потомственными крестьянами. Их доля увеличилась в изучаемый период с 0.7 до 4.4 % [3–23]. Причины медленного роста численности купечества, особенно в 20–30-е гг. XIX в., кроются в фискальной политике государства, в том числе значительном увеличении платежей в казну с объявленного капитала.

Основную массу непривилегированного населения составляли крестьяне: 60.3 % в конце XVIII в. и 62.68 % в 1861 г. [3–23]. В указанный период произошло четырехкратное увеличение численности крестьянства. Часть их проживала в городах: 26 % в Минусинске. Основная масса крестьянского населения была представлена категорией государственных крестьян. Рост численности крестьянства явился результатом ряда причин: благоприятные для земледелия природно-климатические условия, слабое развитие городов и торгово-промышленной деятельности, упадок золотодобывающей промышленности. Как следствие – отток городского населения в сельскую местность, тем более что здесь традиционно сохранялось большое количество свободных земель.

Все трудовое население Хакасско-Минусинского края было охвачено системой государственного феодализма. Как и в других районах земледельческой зоны Сибири, эта система функционировала в двух своих вариантах: казенно-крепостническом и черносошном. Первый из них был связан с периодически возобновляемыми казенными заводами (Луказский, Ирбинский, Езагашский), на которых крестьяне и разночинцы должны были отрабатывать подушные и оброчные деньги. До 1760 г. «пашенные» крестьяне Хакасско-Минусинского края обязаны были обрабатывать «государеву» (или «десятинную») пашню, т. е. нести барщину на государство [31]. Часть рабочего времени труженников также непосредственно присваивалась казной в ходе несения разнообразных натуральных повинностей. Это создавало препятствия их хозяйственной деятельности и ограничивало гражданские права и статус личности, открывая широкие возможности для произвола местных властей.

По мере развития товарно-денежных отношений центральная власть стала смягчать сословные перегородки среди разрядов трудового населения и отходить от наиболее крайних форм крепостнического внеэкономического принуждения (отмена «десятинной» пашни, ограничение числа приписных и посессионных крестьян, расширение легального «покормежничества», провозглашение свободы предпринимательства, коммутация натуральных

повинностей в денежную форму и т. д.). Все это трансформировало казенно-крепостнические отношения в более «мягкую» для тружеников форму «черносошного» феодализма. Такому варианту феодализма присущи: право сдачи тягла, территориальные перемещения, межсословные переходы, более представительное участие в местном самоуправлении, несколько льготный правовой статус, широта реальных поземельных сделок. Это делало сибирского крестьянина хозяйственно более самостоятельным, инициативным, обладающим политическим самосознанием «государева человека». Сибиряк был прагматичнее и рациональнее крестьянина Европейской России. На эти особенности этносоциального поведения крестьян-сибиряков влияли их обширные родственные связи со служилым населением Сибири.

На одну крестьянскую семью из четырех человек приходилось по 4 лошади и 5 голов мелкого скота [32], в то время как в Европейской России – 2 лошади и 2 коровы, что приводило к минимальной обеспеченности населения России основным продуктом питания [33, с. 388]. Таким образом, крестьянство, являясь самым многочисленным классом-сословием в Хакасско-Минусинском крае, создавало доминирующую естественную среду для распространения христианства. Стержнем менталитета крестьянства являлось православное христианство, оно также было компонентом адаптивного механизма и этнической идентификации.

Значительное влияние на развитие всех категорий населения оказало развитие золотодобывающей промышленности в 30–50-е гг. XIX в., особенно в годы «золотой лихорадки» (1830–40-е гг.). Ее спад в 1851 г. не замедлил сказаться на социальном развитии всей Енисейской губернии и юга. Появилась новая социальная группа – приисковые рабочие, основной контингент которых был представлен ссыльными. Правительство пыталось обеспечить максимальный контроль над ними. На начальном этапе развития частной золотопромышленности в Сибири наем на частные золотые промыслы регламентировался на основе высочайше утвержденного в 1822 г. «Положения о разборе исков по обязательствам, заключенным между сибирскими обывателями разных сословий». С 1838 г. на работу принимали только с паспортом или специальным билетом – для ссыльнопоселенцев сроком не более 1 года. В целом правительство пыталось подобным образом максимально контролировать социальные отношения и в золотопромышленности, определяя положение приисковых рабочих и степень их эксплуатации со стороны промышленников.

Особую группу населения составляли каторжные и ссыльные, за счет которых происходило по-

полнение рядов ремесленников, рабочих на золотых приисках и земледельческого населения. В течение времени с 1795 до 1861 г. их численность возросла с 2.9 до 5.9 % [3–23] от общей численности населения Хакасско-Минусинского края.

Особенностью малонаселенного и отдаленного Хакасско-Минусинского края в изучаемый период являлось то обстоятельство, что часть русского населения довольно длительное время вообще ускользала из-под контроля властей и жила в своих потаенных поселениях по принципу «вольный человек на вольной земле». Они представляли так называемый мелкокрестьянский патриархальный уклад. Носителями элементов этого архаичного типа социально-экономических отношений также могли выступать все труженики, которые в той или иной степени утаивали от казны свои доходы с обрабатываемых земель, утилизируемых промысловых угодий и других видов деятельности. В Хакасско-Минусинском крае, как и в Сибири, медленнее, чем в Европейской России, шел процесс «раскрестьянивания» из-за наличия большого количества свободных земель.

Внутрисословным разрядом государственных крестьян являлись ясачные Хакасско-Минусинского края. Общей тенденцией в развитии ясачных было уменьшение их доли в структуре населения: с 88.2 до 36.6 % в 1861 г. и, соответственно, увеличение числа русских.

Как и все коренные народы Сибири, принявшие подданство Российского государства, хакасы платили ясачную подать в царскую казну. С момента присоединения хакасских земель к России установился ясачный режим, включающий в себя аманатство – захват влиятельных людей рода или племени; шерть – официальная присяга представителям государственной власти. Кроме того, ясачный режим устанавливал систему специальных юридических норм и запретов, касающихся всех сфер жизни аборигенов, а также правовую регламентацию всех взаимоотношений, связанных с пушной [34].

Ясачные Хакасско-Минусинского края вносили ясак, который в денежном отношении был менее тяжелым, чем крестьянское и посадское тягло. Кроме того, они являлись реальными и юридическими владельцами своих угодий и имели право легального распоряжения ими. Они были освобождены от рекрутской, постоянной повинностей, «почтовой гоньбы» по Московско-Сибирскому тракту. Их не приписывали к заводам и не привлекали на различные казенные отработки. Складный размер ясака колебался от 4 до 6 соболей, но реальный сбор был существенно ниже. Часть кочевого населения всегда имела возможность уйти за пределы территории, на которую распространялось

русское влияние [35, с. 122]. Сбор ясака с «инородцев» Сибири выступал как взимание феодальной ренты в пользу Кабинета. По «Уставу» 1822 г. хакасы платили ясачную подать, межевой сбор и губернский сбор.

Льготный фискальный статус ясачных не способствовал христианизации хакасов, тем более что они опасались усиления тягла в случае крещения и перехода в оседлое состояние. Освобождение от ясака новокрещеных приводило к их повторному и более раз крещению. Коммутация ясака, введение дополнительных повинностей в 40–50-е гг. XIX в., наоборот, привлекали некоторые категории ясачных к принятию православной веры.

В результате присоединения Хакасско-Минусинского края к России земли края стали собственностью монархии. Из верховного права собственности вытекали права коренного населения проживать на земле, использовать для собственных нужд земли и угодья, распахать земли в пределах своих кочевий, кочевать в «породных» землях без каких-либо ограничений. Вместе с тем земельные владения коренных народов Сибири с точки зрения феодальной земельной собственности относились к фондам царского домена.

Все население, независимо от традиционного статуса, богатства и степени знатности, уравнивалось в юридическо-правовом отношении перед законом Российской империи. Статус стал более престижным с передачей (в 1764 г.) права сбора ясака Кабинету. Формально ясачные оказались особым разрядом дворцовых крестьян. С этого времени родовую знать освободили от уплаты ясака, поручив его собирать, объективно это заложило основы формирования прорусски ориентированного слоя среди ясачных. Башлыками были назначены: Борис Тахтобин в Бельтырском роду; Федор Чепчигашев – Ближнекаргинском и Дальнекаргинском; Алексей Чепсараков – Карачерском; Сагалаков – Кызыльском; Качегешев – Кийском, Кивинском, Казановском, Сагайском 1-й половины; Алексей Катанов – Сагайском 2-й половины [36]. Среди башлыков отсутствует качинская знать, поскольку, с точки зрения лояльности новым властям, она была наименее надежной, помнившей свое недавнее привилегированное положение.

Во второй четверти XIX в. под влиянием социально-экономических процессов, развития товарно-денежных отношений, коммутации ясака социальное расслоение все более охватывает ясачное население. Особенно активно оно протекало в скотоводческих хозяйствах. У хакасов крупных владельцев и торговцев скотом называли «пугдурь», «кистемы» и «пардамы», т. е. байская верхушка, мелкие бай и зажиточные середняки [37, с. 120]. В Сагайской степной думе Ч. Кызласов имел 450

лошадей, 300 коров, 500 овец, 13 десятин земли. В хозяйстве братьев Б. и А. Бутанаевых насчитывалось 50 лошадей, 31 корова, 104 овцы, 20,5 десятин пашни. Качинских баев Ч. Картина и Г. Картина можно отнести к числу наиболее крупных скотовладельцев. В хозяйстве первого было 5 000 лошадей и столько же голов крупного рогатого скота; он ежегодно продавал скота на 20 тыс. р. У второго насчитывалось 5 070 голов лошадей, 2 500 коров, 8 десятин пашни. За 20 лет (1837–1858 гг.) число владельцев табунов сократилось с 70 до 30, при этом увеличилось количество хозяйств, в которых было по 2–3 головы крупного рогатого скота [38, с. 51–52].

Хакасская знать, утратив свое привилегированное положение с присоединением к Российскому государству и приобретением статуса ясачных в структуре русского общества, искала подтверждение своей власти и авторитета в традициях и обычном праве. Поскольку православие справедливо ассоциировалось в их сознании с российским государством и российскими юридическими нормами, то родовая верхушка хакасского общества не стала проводником православия.

Таким образом, социально-экономические отношения и сословно-классовая структура населения Хакасско-Минусинского края характеризовались ярко выраженной многоукладностью с присущей ей качественной асинхронностью и дистадальностью, имевшими место одновременно. Процессы модернизации затронули в незначительной степени социально-экономические и культурные связи.

Возникшие в процессе институализации РПЦ церковно-приходские общины явились организационной формой интеграции, взаимообогащения культурных традиций, в том числе и в сфере религиозно-мифологических представлений и обрядовой практики. Русское население более чем в два раза превосходило в количественном отношении коренное, что объективно создавало предпосылки успешной христианизации и ассимиляции автохтонов. Удельный вес хакасов при общем его росте сокращался в силу повышенного увеличения числа русских. С другой стороны, с экономической точки зрения оно было менее устойчиво и защищено, чем русское население. Со второй половины XVIII в. отмечается некоторая ассимиляция его с русским населением, переход к оседлости и частичное слияние с государственными крестьянами. Ясачное население втягивалось в товарно-денежные отношения, что приводило к социальному расслоению, активизации контактов с пришлым населением.

Подавляющая масса населения края состояла из крестьянства и категорий населения, ведущих крестьянский образ жизни (казаки, мещане, крестьяне). В результате тесного взаимодействия различных групп населения между собой в

Хакасско-Минусинском крае сформировалась единая субкультура, основой которой было бытовое православие, изначально синкретичное по своей сути. В то же время существование множества социальных, этносоциальных и конфессиональных групп, границы между которыми были размыты, несколько затрудняло этнокультурные и социальные контакты и процесс интеграции общества. Увеличение доли недавних переселенцев со второй четверти XIX в. ос-

лабляло возможности их хозяйственно-культурного влияния на хакасское население, что в целом сужало социальную базу политики христианизации.

Характер эволюции сословно-классовой структуры населения Хакасско-Минусинского края создавал относительно благоприятную социальную почву политики христианизации коренного населения в местах социокультурных контактов, т. е. в приходских общинах и вокруг них.

Список литературы и источников

1. Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 548 +583 с.
2. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства / пер. Вас. Зуева. Ч. 2. СПб., 1786. 624 с.
3. Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. 592. Оп. 1. Д. 40. 98 л.
4. Там же. Д. 26. 76 л.
5. Там же. Д. 53. 81 л.
6. Там же. Д. 75. 76 л.
7. Там же. Д. 6. 46 л.
8. Там же. Д. 85. 76 л.
9. Там же. Д. 44. 46 л.
10. Там же. Д. 73. 26 л.
11. Там же. Д. 13. 80 л.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. И–170. Оп. 1. Д. 204. 93 л.
13. Там же. Д. 98. 83 л.
14. Там же. Д. 86. 86 л.
15. АААКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 9. 26 л.
16. Там же. Д. 14. 42 л.
17. Там же. Д. 15. 27 л.
18. Там же. Д. 667. 56 л.
19. Там же. Д. 373. 76 л.
20. Там же. Д. 1467. 15 л.
21. Там же. Д. 274. 10 л.
22. АААКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 743. 22 л.
23. Там же. Д. 741. 22 л.
24. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Красноярск, 1985. 300 с.
25. АААКК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 4. 22–26 л.
26. АААКК. Ф. 674. Оп.1. Д. 84. 43 л.
27. Там же. Д. 237. 65 л.
28. Там же. Д. 240. 72 л.
29. Быконя Г. Ф. О социальной сущности членов сельской части посадских общин в Сибири в XVIII в. // Сибирский город XVIII – начала XIX веков: мат-лы конф. 1995 г. Иркутск, 1998. С. 314–321.
30. Комлева Е. В. Сферы обращения купеческих капиталов в городах Енисейской губернии (1820–1850-е гг.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 2. Барнаул, 2001. С. 107–109.
31. Быконя Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Сибири в XVII–XVIII вв.: мат-лы к спецкурсу и спецсеминару. Красноярск, 1979. 99 с.
32. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. К. 1743. Д. 235. 96 л.
33. Милов Л. В. История России XVIII–XIX веков. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006. 784 с.
34. Козьмин Н. Н. Хакасы / Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925. 184 с.
35. Бродников А. А. Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 122–128.
36. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. И.–2. Оп. 1. Д. 752. 13 л.
37. Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) XIX – начало XX вв. Абакан, 2002. 175 с.
38. Андрианов А. В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. 61 с.

Асочакова В. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры.
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.
Ул. К. Маркса, 11, г. Абакан, Республика Хакасия, Россия, 655017.
E-mail: asocvn@mail.ru

Материал поступил в редакцию 21.04.2010.

V. N. Asochakova

**EVOLUTION OF CASTE-CLASS STRUCTURE OF THE KHAKASS-MINUSINSK REGION'S POPULATION
IN THE CONTEXT OF THE CHRISTIANIZATION POLICY (18TH – BEGINNING OF 60IES OF 19 CENTURY)**

The article states the caste-class structure of the Khakass-Minusinsk region under the conditions of its reclamation by Russia and Christianization policy of the native ethnic group. The main source of the research was documents of the church population demographic list. The subject is examined on the example of parochial communities.

Key words: *Christianity, estates, Khakasses, proselyte, the Russian Orthodox Church, the church and parochial communities.*

N. F. Katanov State University of Khakasia.
Ul. K. Marksa, 11, Abakan, Republic of Khakasia, Russia, 655017.
E-mail: asocvn@mail.ru